

Цикл
Влада Савина
МОРСКОЙ ВОЛК

Морской волк
Поворот оверштаг
Восход Сатурна
Белая субмарина
Днепровский вал
Северный гамбит
Ленинград-43
Сумерки богов
Врата Победы
Союз нерушимый
Страна мечты
Восточный фронт
Красный тайфун
Алеет восток
Война или мир
Рубежи свободы

Влад Савин

РУБЕЖИ СВОБОДЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С13

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 143

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

С13 Савин, Влад

Морской волк: Рубежи свободы: роман / Влад Савин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 448 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-111457-2

«Рубежи свободы» — продолжение цикла «Морской волк», истории с попаданием в 1942 год атомной подлодки «Воронеж». Мир изменился — и Победа пришла на целый год раньше, и позиции СССР в мире гораздо сильнее. И очень похоже, что в этом мире крах мировой системы колониализма наступит не в 1960 году, а раньше. Но борьба за свободу и независимость своего народа — всегда ли прогресс и путь к счастью?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111457-2

© Влад Савин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Благодарю за помощь:

Читателей форума Самиздат под никами *Библиотекарь*, *омикрон*, *Old_Kaa*, *HeleneS* и других — без советов которых, очень может быть, не было бы книги.

Товарища Н.Ш. — он знает за что.

И конечно же *Бориса Александровича Царегородцева*, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей *жене Татьяне* и *дочери Наталье*, которые не только терпимо относятся к моему занятию, но и приняли самое активное участие в создании образов Ани и Люции.

*Из речи И. В. Сталина на XX съезде КПСС
(альт-ист)*

Говоря о будущем, мы неизбежно обращаемся к прошлому. Вопрос о путях дальнейшего развития непрерывно связан с оценкой Октября. Но ни одна революция не проходит по заранее составленному плану, не дает в точности таких результатов, какие ожидали ее участники. И если с Октябрем связаны величайшие прогрессивные перемены в истории нашей страны, то нельзя избежать и вопроса о том, в какой мере нарушения социалистической законности, ущемление демократических прав граждан и другие негативные явления стали возможными в условиях нового общественного строя. Наше прошлое неоднозначно — в нем слились победы и неудачи, открытия и ошибки, светлое и трагическое, революционный энтузиазм и жертвы, великие надежды и разочарования. Весь опыт социализма представляет собой достояние человечества, его требуется глубоко изучать и осмысливать. Тогда не только победы, но и потери будут не напрасными.

Некоторые товарищи думают, что у Ленина была завершенная программа строительства социализма в нашей стране. На самом деле, напряженная работа и тяжелая болезнь не позволили Ленину написать научно обоснованную программу, он успел дать лишь первоначальные наброски кооперативного плана, связать идею культурной революции с кооперированием мелкого производителя и с изменением всех условий жизни. Как конкретно это осуществить, в каких организационных и социальных формах, Ленин проработать не успел,

указав лишь подходы. И поиск этих форм и методов вылился в жестокую идейную и политическую борьбу, в обстановке внешней угрозы, остатков внутренней контрреволюции и нехватке самого необходимого. Те, кто обвиняют нас в «отказе от ленинских норм», забывают, что сами эти нормы, применительно к данному этапу построения социализма, не существовали. Мы были вынуждены прибегать к административным, даже диктаторским мерам принуждения, по отношению не только к бывшим эксплуататорским классам, но и к народу в целом — как, например, мобилизация в РККА, вместо добровольной народной милиции, или жесткое планирование промышленности и сельского хозяйства, с суровыми карами за невыполнение. Иначе — мы бы погибли. Также оказались неоправданными надежды на «отмирание» государственного аппарата с заменой его на самоуправление отдельных коммун, добровольно договаривающихся между собой в масштабах страны. В этом, и многих других вопросах, мы не могли опираться на Маркса — который предполагал, что пролетарская революция победит одновременно во всех или большинстве самых передовых промышленных стран. Империализм, в отличие от Марксова, домонополистического капитализма, делает наиболее вероятной победу революции сначала в одной стране, не обязательно самой развитой промышленно. Что означает — наличие лагеря социализма во враждебном окружении, обстановка «осажденной крепости» при постоянной угрозе капиталистической агрессии и обострения борьбы с контрреволюцией внутри. Военные говорят, что уставы пишутся кровью. Так и мы — своей кровью, ошибками, перегибами, определяли еще никому не известные законы построения социализма.

И эти законы — не есть что-то навеки застывшее и завершенное, как Катехизис. Подобно тому, как военное искусство постоянно развивается, с изменением общества, его производительных сил,

появления новых видов вооружения. Так и социализм — нельзя построить, сначала выписав проект во всех мельчайших деталях, а затем сооружать все в точном соответствии с бумагой. Приходится творить вживую, на живом общественном организме — и при этом совершать ошибки. Но помнить, что каждая наша ошибка — это лишняя кровь, труд, время и затраты.

Так дерзайте, стройте — но анализируйте, как и почему. Ищите лучшие пути, задавайте вопросы. Не бойтесь ошибок — но и не медлите с их исправлением. Социализм — это более прогрессивный строй, чем мир капитала, и значит, никто не может помешать победе социализма, кроме нас самих.

Молотовск (еще не Северодвинск).

5 марта 1953 г.

Место, откуда русские государевы люди впервые вышли в океан. Государевы — так как поморы ходили к Шпицбергену и Новой земле еще во времена Великого Новгорода. А здесь, на берегу Белого моря, в устье Северной Двины, стоял Николо-Корельский монастырь, упомянутый в летописях от 1419 года — и отсюда, при Иване Грозном, было снаряжено русское посольство в Англию (когда не было еще не только Петербурга, но и Архангельска). Это был первый русский морской порт (с причалами, складами и жильем на острове Ягры, где теперь судоремонтный завод «Звездочка»). С возникновением и развитием Архангельска монастырь постепенно приходил в упадок (хотя еще держался — в семнадцатом веке большинство зданий и стены были перестроены в камне, и именно отсюда с обозом в Москву отправился учиться поморский сын Михайло Ломоносов). Но на момент закрытия монастыря Советской властью, в нем оставались то ли шесть, то ли семь иноков. Деревянные постройки были снесены — хотя одна из воротных башен была аккуратно разобрана и перевезена в подмосковный музей в Коломенском. А каменные стояли брошенными, до 1936 года.

В этом году здесь был основан тогда еще не город, а рабочий поселок Судострой, получивший статус города и новое имя лишь через два года. Возникший подобно Петербургу, по «государеву указу», верфью среди болот. В уцелевших монастырских зданиях разместился один из цехов (деревообделочный), а на стапеле с русским размахом был заложен сразу линкор «Советская Белоруссия» (третий в серии «Советский Союз», по проекту один из сильнейших в мире среди своего класса), но с началом Отечественной войны работы были прекращены, до сроков третьего завод занимался исключительно судоремонтом.

Пока не пришла «моржиха».

Атомная подводная лодка «проект 949А». Которой в этом времени не должно быть — однако же она есть. Сейчас у стенки завода стоит — где еще осенью военного 1942 года оборудовали, насколько это было возможно, место для базирования, со всей обеспечивающей инфраструктурой.

Та самая «моржиха», уничтожившая на Севере весь немецкий Арктический флот. А в сорок четвертом совершила поход в Средиземное море и там приняла участие во многих славных делах. Еще было то, что навеки осталось тайной — как уран из бельгийского Конго вместо проекта «Манхеттен» попал к Курчатову, и при каких обстоятельствах утонул линкор «Айова». Но о том здесь никогда не узнают — участники не напишут мемуаров, а в архивных делах, даже высшей степени секретности, о таких операциях не пишут подробно. А всего лишь «задание в интересах СССР, за которое такие-то лица были награждены». Тогда и получил Лазарев Михаил Петрович (полный тезка того, кто Антарктиду открыл) первую Звезду Героя.

В командирской каюте трое. Сам Адмирал, выглядевший моложе своих пятидесяти трех (если в личном деле вписан год рождения 1900-й), подтянутый, черноволосый (ни одного седого волоса). Хозяин каюты, командир «моржихи» (с сорок пятого года, как Адмирал ушел на ТОФ бить японцев), контр-адмирал Золотарев Иван Петрович (очень редко бывает, чтобы адмиралы всего лишь корабля-

ми командовали — в советском ВМФ в войну лишь Москаленко в этом чине был командиром линкора «Октябрьская революция», да сам Лазарев звание получил в сорок третьем, оставаясь командиром атомарины). И третий — инженер-контр-адмирал, невысокий, лысоватый и полноватый, в круглых очках — Сирый Сергей Николаевич, в войну был на «моржихе» командиром БЧ-5, а теперь в связке с Курчатовым работает в советском Атоммаше, Сталинскую премию получил. На столе бутылка водки, сало, хлеб. Но пили мало, больше беседовали.

— Ну, Михаил Петрович, рассказывай, как там в Москве. Просвети провинциалов.

— Серега, не приbedняйся! В одном доме живем, на Ленинградке. Который здесь, наверное, не «генеральским», а «адмиральским» назовут.

— Так по месту прописки бываю лишь наездами, последний раз где-то полгода назад. А так, с севера не вылезаю. Ну, и Настю сдерживать не хочется, она тут привыкла.

— Кстати, как она?

— Да вчера, как в роддом на Пионерскую увезли, пока новостей нет! Выходит, даже такой старик, как я, еще на что-то годится.

— Ну какой ты старик, на пару лет меня старше. Сына как назовешь?

— Владимиром. Ну, а если дочка — Анной. А как твои?

— Владик уже в школе, первый класс закончит. Илюша малой еще. Ну, а Анну Петровну вы здесь уже видели — как она шороху навела на Севмаше. Она ведь у меня большой человек, всевидящее око партии. И если приехала — то будьте уверены, не со мной за компанию, а по приказу Пономаренко.

— Так что там наверху, на московском олимпе? Если не секрет.

— А тут микрофонов нету?

— Обижаешь, командир! Чтоб на моем корабле — и я не знал? Так все же, как Сам? Ты ведь к нему на доклад едешь?

— Слушай, налей сначала, раз такой разговор. Расскажу. Налили по стопке. Залпом выпили. Закусили.

— Не так часто я сейчас к Самому езжу, мужики, — сказал Адмирал, — кончилось время, когда мы для него были постоянным источником информации. Поскольку история стрелку уже перевела — и пошла текущая рутинная работа. Я так больше на Кузнецова замыкаюсь, делаю то, чему обучен — чтоб году к шестьдесят второму у СССР был атомный флот.

— А будет ли тут Карибский кризис? — произнес Сирый. — История уже сильно в сторону пошла. Победа на год раньше, в сорок четвертом. У нас и потери меньше, и не пол-Европы наши, а две трети, вместо «встречи на Эльбе» вышло на Рейне. Одна ГДР без всяких ФРГ, и Народная Италия с товарищем Тольятти, и Австрия с Грецией наши, Испания — «дружественный нейтрал», и Турция нейтрал, хотя и враждебный. Просоветский Израиль, просоветский Курдистан, в Сирии и Ираке наши войска стоят. НАТО есть, под именем Атлантического союза, вот только входят в него Англия, Бельгия с Голландией, Дания и пол-Норвегии. И на Дальнем Востоке Корея наша вся, не было там войны, как и Хиросимы с Нагасаки — зато Китай пятидесятого, Сиань и Шанхай. И Мао, сдохший от лучевки. А кто там в Пекине сейчас сидит — Ван Мин, он ведь просоветский вроде? В Индии змеюшник, шесть сторон дерутся вместо двух, в Африке творится черт знает что. Вся карта мира сильно поменялась, в сравнении с нашей историей. Так что кончилось наше послезнание, сейчас туда выходим, где нет уже маяков, зато и рифы, и мели, и минные поля...

— Летом и посмотрим, — ответил Адмирал. — Двадцать шестого июля, если не ошибаюсь, пойдет Фидель на штурм казарм Монкада? Будут ли в его команде ребята от Судоплатова, честно, не знаю — к высокой заграничной политике я сейчас лишь краем, иногда консультации даю, даже не Самому, а Пономаренко.

— Это верно, что Сам его в преемники метит? — спросил Золотарев.

— О том у Анюты надо спросить. Но похоже на то. Так как Сам знает, до чего страну его преемники из «стариков» довели. И похоже, поставил на молодых — Пономарен-

ко, Мазуров, Косыгин. И даже примкнувший к ним Эрих Хоннекер, который в Москве времени проводит едва ли не больше, чем у себя дома. И поляк Берут в их компании тоже. Посвящены ли они в Тайну, не знаю — с этим строго. Сам условие поставил, что решает исключительно он лично. Равно как и полный перечень тех, кто посвящен — возможно, лишь у него в памяти.

— А Лаврентий Палыч? Он ведь тоже знает. И «самый эффективный менеджер», раз три министерства в войну тянул на себе.

— Он на своем месте хорош, — ответил Адмирал, — а Первым — дров наломает. Как в нашей истории, хотел национальные армии и максимум самостоятельности республикам — боюсь, что так СССР и до девяносто первого бы не дожил. И там он тоже против Сталина что-то крутил под конец, опасаясь, что и его в расход. Здесь же в норме — как Сам с ним беседовал, не знаю, но судить можно, достигли они полного консенсуса: товарищ Берия вечно Второй, незаменимый и в этом качестве неприкосновенный. И явно дружественен «молодым». Ну, а стариков вроде Кагановича, похоже, будут постепенно оттирать от управления — с почетом, и на пенсию. Если уж Хрущев живой пока, а ведь я уверен был, что его исполнят! А он десять лет уже в Ашхабаде сидит, на радость туркменам. Так что Сталин вовсе не людоед. Не терпит, когда его обманывают, не прощает, когда предают, ну а кто из его доверия вышел, так навсегда. Но и бессмысленной жестокости за ним я тоже не замечаю.

— Так, может, оттого, что Сталин нашей истории и он же здесь, будущее узнавший и свое, и страны, это разные люди получились? — спросил Сирий. — Что бы про Виссарионыча в нашем времени ни говорили, но дураком его никто назвать не смел! Да и не мог бы дурак принять страну с сохой, оставить с атомной бомбой. А значит, обязан был он свою линию скорректировать. Если, вот кажется мне, или я ошибаюсь, свободой повеяло, как у нас в перестройку, ядри ее мать — гайки ослабляют понемногу: можно о том говорить, за что вчера бы за тобой пришли бы?

— Не ошибаешься, — ответил Адмирал. — Вот только... Есть уже такое понимание, на самом верху, что излишне жесткая система нежизнеспособна, что у нас и случилось. Значит, надо послабление дать, чтоб был реальный контроль снизу, творчество масс, живая мысль, а не догмы. А вот как конкретно, это пока не ясно никому. И «как бы чего не вышло»: помнишь, что у нас было в шестидесятые, «оттепелью» назвали? Так что, боюсь, еще весело всем будет жить, если опять начнутся метания, или чистку объявят и вычистят не тех. И все это на фоне нарастающих проблем, внешних и внутренних — бандеровщину и всяких «лесных» задавили, так в нацреспубликах творится черт знает что.

— Так там, считай, советской власти и не было, — сказал Сирий. — Общался я тут с товарищем из Ташкента, русским. Он рассказывал, что в двадцатые на полном серьезе предлагали басмачам: «Ну что ты, курбаши-юзбаши, стреляешь из-за дувала, а к нам иди, вступай в партию, станешь секретарем райкома, большим человеком!» В самом деле так, или врет?

— Было, — кивнул Адмирал, — мне Смоленцев наш рассказывал, как они там в сорок девятом... Началось все с «стране нужен хлопок», ради чего гнали в узбекские поля и старого, и малого, и больного — умри, но собери. С феодальным зверством, как при эмире бухарском — плохо работающих били плетью: если в тюрьму, кто тогда работать будет, штраф взять нечем, ну а пороть прилюдно — лучший стимул не лениться. Причем наказывали даже не обязательно за невыполнение плана, а если ты хоть сто процентов сдал, но по выработке последним оказался, или среди трех, пяти, десяти последних.

— То же, что у нас, — кивнул Золотарев, — план по хлопку и приписки.

— И это тоже. План как товар: кто перевыполнит, мог часть своего хлопка переписать неудачливому соседу (конечно, не бесплатно). Потому начальство обращалось с колхозниками как с рабами. С силовой поддержкой не только местной милиции, но и банд собственных нукеров-надзирателей, обеспечивающих трудовую дисциплину

(и вершащих самые грязные дела). И это сходило с рук в военное время — хлопок любой ценой.

— Может, в войну так и было надо, — произнес Сирый, — если у нас из хлопка порох и все сопутствующее. Когда, цинично говоря, надо было выбирать: или поднапрячься, или Победы не будет.

— Может, и так, — пожал плечами Адмирал. — На свет все выплыло уже после, когда домой стали возвращаться фронтовики, кто никак не хотел быть поротым рабом — тем более видя, что начальство про «труд на благо родины» кричит, а свою родню, своих деток, от каторги освободило, восток же! Ну, и если поначалу хлопковыми рабами были лишь колхозники, а русские, в подавляющем большинстве городские, ИТР и квалифицированные рабочие, этого не знали — то после и их коснулось, и через фронтовое братство, и через смешанные семьи (особенно военного времени — прежде, когда узбечки выходили за русских, то обычно уходили в город, а в войну стало, что и наши женщины из эвакуированных шли замуж за местных, и не только городских). А даже сталинский колхоз не идет ни в какое сравнение с тем средневековым, что творили местные «баи» на хлопковых полях. И сила была у этих баев — если в городах, особенно таких, как Ташкент и Самарканд, в милиции и прокуратуре обязательно находились русские, то в деревне — исключительно местные кадры, да еще и нередко связанные с начальством родством.

— И пришлось нашему Юрке Смоленцеву поработать, как Гдлян с Ивановым в иное время, — усмехнулся Золотарев. — Читал в газетах про двести дорогих ковров в сарае секретаря райкома, или десятках закопанных кувшинов с ювелиркой. Там и в самом деле бои шли настоящие — говорят всякое, а вот о том не писали?

— Смоленцев рассказывал, случалось, — ответил Адмирал, — он же не один был, а за три сотни московских товарищей, кому поручили разобраться. При поддержке армейских частей ТуркВО и здоровых сил в местных органах, парт- и госаппарате. Ну а что вы хотите — когда до какого-то бывшего курбаши в секретарском кресле вдруг доходит, что он под вышак пойдет с конфискацией, то